

Почему ей похуй на твоё восстание

АНОНИМ

2009 г. (<https://anarchalibrary.blogspot.com/2010/09/why-she-doesnt-give-fuck-about-your.html>)

Вечер понедельника. Нью-Йорк. Пустой бар.

Путешественнику: «Как дела в Блумингтоне?».

«Хорошо. Все помешаны на этих французских книгах, «Зов» и «Грядущее восстание». Это раздражает, потому что они как будто забыли весь феминизм и антирасизм, которые мы вдавливали им в головы последние пять или сколько там лет».

Лейхия смеется. «Я тебя понимаю».

«Нет, ты не понимаешь. Все! Это нелепая инсуррекционистская хрень...»

Мы с Лейхией смотрим друг на друга почти с ликованием. «Нет, мы прекрасно понимаем, о чем ты говоришь».

Дамы согласны: он вот-вот взорвется.

Он уже начал рваться по швам. Вы начинаете скандировать: «С тротуара — в будущее!», но при этом удивляетесь, почему мы убеждены, что это так чертовски маловероятно, что наши будущие скоро сойдутся.

Мы кричим с одного и того же тротуара, но там, где вы видите потенциал улицы и либеральных придурков, которые до смерти боятся бросить вызов своей пассивности, я замечаю личности, стоящие за телами, которые остаются послушными по сравнению с теми, кто сходит с тротуара.

Может быть, повседневная жизнь так и останется мелочной и не подлежащей спасению, но когда эта повседневность душит нашу способность участвовать в борьбе за освобождение, глупо списывать ее на несущественность. Мы живем не единичным случаем сопротивления: если история не может научить нас ничему другому, мы должны хотя бы понять, что наши цели должны включать все формы освобождения.

К черту ваш приезд в дерьмо только для того, чтобы драться с копами, к черту вечеринку в Нью-Йорке по случаю выхода книги «Грядущее восстание», к черту конкретику всего того дерьма, которое побудило написать это. Давайте поговорим об исправлении псевдоразрыва между «инсуррекционистским анархизмом» и «по-

литикой идентичности», о воссоединении баррикад и небритых ног, о соединении бунта и grtl.

Я не хочу сказать, что от того, что мы начнем огород городить, начнется революция, или что мы должны не выходить на улицы и говорить о патриархате кириархате (*исправление переводчика*). Но если вам не наплевать на то, как сделать это устойчивым и не разозлить примерно 52% населения, мы должны принять это дерьмо во внимание и перенести политику инсurreкционного анархизма в место полного освобождения.

Я видел/а его раньше и поклялся, что к концу вечеринки обязательно с ним подерусь. «Спасибо, что бросил/а меня дважды на этой неделе».

«Я был занят/а, извини. Мы уже пришли. О чем ты хотел/а поговорить?»

«Я слышал/а, ты сказал/а, что феминизм отвлекает от целостности».

«Нет, я сказал/а, что надо рассматривать феминизм в его историческом контексте».

«Да плевать мне на исторический контекст! Меня волнует то, как патриархат кириархат (*— исправление переводчика*) проявляется сейчас: разговоры о всякой херне вроде Гегеля не решают того, что люди подвергаются сексуальному насилию здесь и сейчас».

На прошлой неделе анархи в Англии вторглись на конвергенцию в масках, крича о сексизме, в то время как парни говорили о том, что нужно сосредоточиться на Мужчине. Вы говорите, что мы должны сосредоточиться на тотальности, но что, как не тотальность, позволяет биополитическую манипуляцию и эксплуатацию женского тела?

Тотальность проявляется не только в боссах; она присутствует во всем том угнетающем дерьме, с которым женщинам приходится сталкиваться каждый день. Вы сказали, что он «хороший парень», «хороший организатор» — ну, может быть, и так, но если он серийный анархо-насильник, то мне похую. Ты замечаешь тотальность, когда копы выбивают из тебя все дерьмо после того, как ты сделал выбор в пользу борьбы — я видел/а это, идя вчера на работу, на вечеринке вчера вечером, в твоей спальне сегодня утром, и на каждой кухне, которую мы когда-либо делили.

Слово «тотальность» практически идеально именно потому, что оно способно этимологически отразить тот факт, что власть существует в политическом, социальном и индивидуальном измерениях. Тотальность не является принципиально неизбежной; все мы стремимся к созданию точек противостояния и через это к освобождению — несмотря на то, что все это тотально. Но чье определение конфликта и освобождения принимается за действительное, а чье игнорируется? И кто определяет тотальность, ее проявления и отвлечения?

Может быть, нам следует признать, что насильственно защищаемое «безопасное пространство» (*safe space — прим. пер.*) является таким же ликбезом, как и бунт — по

крайней мере, в плане сброса ига тотальной социально-политической манипуляции и борьбы за нашу коллективную свободу от угнетения и ожиданий современного общества.

Может быть, стоит задаться вопросом об основе освобождения, к которому мы стремимся: вы читаете всякую чушь, которая гласит: «Чем более я анонимен, тем более я присутствую», но что это значит? Что я долж/на потерять эмоции и переживания, которые делают меня тем/той, кто я есть, в процессе превращения в революционного актера?

Это моя тоска влечет меня на улицу, моя обида бросает кирпич, мое желание делает ночи в тюрьме терпимыми — и эти эмоции не берутся из ниоткуда. Неужели все эмоции, кроме нигилистического гнева, недействительны и антиреволюционны? Ведь если это так, то и ясность и освобождение, которые я обретаю благодаря им, тоже.

И если вы принимаете эти чувства как действительные, то почему вы не находите действительной ту безотлагательность, с которой я добиваюсь возмездия за все зло, причиненное тотальностью, включая патриархат кириархат (*— исправление переводчика*)? Когда вы слышите о бастующих рабочих, вы не требуете доказательств неправоты босса — вы спрашиваете, как лучше поддержать рабочих. Так какого хуя вам не приходит в голову задать тот же вопрос, когда вы слышите, что какого-то человека обвинили в жестоком обращении или нападении?

Говорят, что тотальность продолжает расширять свою схему контроля — и очевидно, что революционные феминистки борются с этим так же упорно, как и вы, считая себя частью гетерогенной материальной силы, противостоящей всем формам социального контроля. А «феминистки», требующие равной оплаты за наемное рабство? Такие же наши враги, как и ваши.

«Да, мы пытаемся понять, почему мы так отчуждаем женщин и людей цвета. Но мы продолжаем пытаться делать это за пивом, что и породило проблему в первую очередь. Просто нам никогда не приходит в голову позвонить девушкам, не принадлежащим к нашему кругу общения, чтобы поговорить о политике или о чем-нибудь еще».

«Если вы думаете, что проблема заключается именно в этом, то у вас совершенно искаженное восприятие реальности. Проблема не в том, что вы обсуждаете стратегию за пивом. Дело в том, что сама выпивка — или то, как вы это делаете, — вызывает отторжение. Дело в том, что вам наплевать на политику, потому что вы больше сосредоточены на том, чтобы заинтересовать дам, когда те присутствуют в комнате. Дело в том, что никому из вас нет дела до всей этой хуйни, над которым мы работаем, кроме попыток начать какое-то ебучее восстание. Дело в том, что вам просто похую, точка».

Не стоит и говорить о том, что сексуализация каждой женщины на сцене — это проявление патриархата кириархата (*— исправление переводчика*). Но мы не можем игнорировать тот факт, что все критические замечания в адрес радикальных белых мальчиков возвращаются с новой силой... Блять, неужели мы не могли разобраться в этом с первого — или второго, или третьего — раза?

Чтобы быть полностью ясным, я не пытаюсь нести неофеминистскую или эссенциалистскую чушь, где я предполагаю, что все прямые действия — это форма насилия, уходящая корнями в *патриархат*, или что насилие — это мачо, или что борьба сама по себе каким-то образом «маскулинна». (Кхм.) Возможно, худший результат таких редукций заключается в том, что они помещают эти инструменты — тактики, действия, стратегии — в специфическую область, которая является полностью мужской. Инструменты, которые, по сути, являются объектами, с которыми нужно действовать, а не субъектами, на которых действуют.

Тем не менее, хотя можно сколько угодно говорить об эмоциональных аспектах бунта («весь негатив сходит на нет» и т.д.), в слепом и бездумном разрушении присутствует упрощенный мужской нигилизм, основанный на отсутствии эмоций. Эта часть мачистская: *отсутствие субъективной чувствительности*. Эта — нигилистская: *битье стекол припаркованных на улице машин не класса люкс*.

Дело не в твоём, господи. пенисе. Дело в идее, что мальчики не плачут. Это деэмоционализирующий эффект мужской социализации, который, в свою очередь, позволяет полностью игнорировать эмоциональные — «женские» — проблемы.

Помните второй захват «Новой школы», когда мы ворвались в пять утра и девятнадцать человек были арестованы? Помните, что внутри было всего четыре дамы? Я не думаю, что эта акция была отчуждающей для женщин. Наоборот, это было полное отсутствие разговоров вокруг нее и ее субъективности. Например, когда вы говорите что-то вроде «не будь ребенком!» вместо того, чтобы хотя бы попытаться позаботиться о тех, кого вы знаете — да, может быть, это и не ебаное восстание само по себе, но поддержка людей в вашем сообществе полностью противоречит всем известным нам товарным представлениям о «заботе».

Но нахуй заботу, необходимо рассмотреть и само действие. Бросать на улице коробки с газетами — это хорошо, прекрасно. Но если это делает кучка богатых белых чуваков, то это так же либерально, как проводить безостановочные митинги во время оккупации — потому что вы в точности воспроизводите ситуацию, с которой, как вы утверждаете, боретесь.

Действия, резонирующие с восстанием, должны вписываться в узкие параметры, которые эксплуатируют и устраняют все материальные и осязаемые условия. Бездумное разрушение не отвечает этим простым критериям. Именно такое поведение чаще всего списывается на мачизм и отчуждение — риск без четкой цели и стратегии.

Но еще важнее то, что иногда неважно, что это за действие, потому что другие, более близкие, более рельефные эмоции переполняют и мешают. Неужели можно сказать, что это мелочно, когда кто-то не может прийти на «уличную вечеринку» (т.е. боевую акцию), потому что там будет мудака, который выбил из него/неё/них все дерьмо? Может быть, было бы радикально, если бы мы докопались до корня проблемы и просто пожизненно запретили бы этого человека, независимо от «ответственности».

The Invisible Committee предложил считать, что освобождение происходит через анонимность, что отбрасывание ответственности и прочей ерунды делает тебя свободным. Но если мы начнем с понимания того, что идентичность — это не то, что ты покупаешь, не то, что ты делаешь, чтобы заработать деньги, не то, что имеет отношение к ебаной экономике, тогда мы должны спросить: что, черт возьми, такое идентичность? Конечно, личное — это политическое, но разве политическое бывает личным? Да: это те переживания совокупности, которые вызывают индивидуальный эмоциональный отклик.

Стирание всего этого дерьма может быть продуктивным в борьбе с интернализованной репрессивной силой. Но сообщества не могут существовать без аспекта подотчетности, который недействителен при предельной цели анонимности. Анонимность никогда не может быть гармоничной. Вы анонимны от совокупности индивидуальных «заключений» (в смысле вещей, которые лишают вас освобождения). Для некоторых это включает в себя отпор, который вы, блять, заслужили — вот почему в этих рамках совершенно невозможно привлечь людей к ответственности.

И что еще более важно, женщины в сцене никогда не смогут стать «анонимными», пока мужчины в сцене продолжают относиться к ним как к сексуальным объектам или заставляют их думать о сексуальном насилии в местах, которые должны быть местами освобождения. Нужно сделать исключением, а не правилом, что когда гетеропара распадается, женщина «уходит со сцены». Нужно, чтобы люди не считали феминизм либеральной чушью или поводом для нападок на мужчин. Нам нужно, чтобы люди сделали ответственность приоритетом. Нам нужно сообщество.

Солидарность в один момент, с одной коллективной целью, мало от чего зависит — и будет что-то значить для самого революционного восстания, но если мы говорим о бунтах и уличных боях, то политика долгосрочной солидарности более актуальна. Если в процессе освобождения общая цель более или менее перекрывает потребность в признании единичных идентичностей, то, когда моменты проходят, именно эти связи между единичными идентичностями позволяют кострам продолжать гореть.

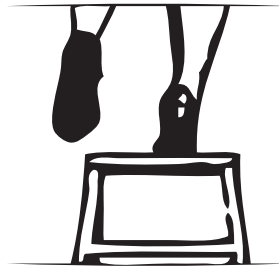
Несколько заключительных замечаний, вероятно, больше в свою защиту, чем для чего-либо другого:

Прежде всего, не может и не должно оставаться недосказанным, что эта статья написана с определенной точки зрения, которая является чрезвычайно привилегированной и, несомненно, предвзятой по целому ряду параметров. Самое очевидное, что проблемы и борьба других людей, кроме цисгендерных женщин, жестоко угнетаемых патриархатом кириархатом (*— исправление переводчика*), не рассматриваются. Я прошу читателя быть снисходительным и признать, что это было сделано для краткости, а не для того, чтобы не доказать свою правоту.

Кроме того, хотя я мог/ла бы уточнить или изменить некоторые моменты, суть приведенных здесь бесед действительно имела место. Однако историкам на заметку: каждый разговор происходил за пивом или спиртным (некоторые больше, чем другие), и поэтому мои воспоминания могут быть несколько далеки от истины.

Наконец, я хочу отметить, что не считаю это войной против парней. Если бы я так считал/а, ваш дом был бы в огне. Это должно стать началом разговора. Конечно, горстка написанных слов никогда не заменит долгого разговора за большим количеством сигарет, но это несовершенный способ решения проблемы, когда наше время лучше потратить на другие вещи. С этой целью: beet (собачка) riseup (точка) net, давайте пообщаемся.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

АНОНИМ

Почему ей похуй на твоё восстание

2009 г. (<https://anarchalibrary.blogspot.com/2010/09/why-she-doesnt-give-fuck-about-your.html>)

Переведено 04.10.2023 с <https://theanarchistlibrary.org/library/anonymous-why-she-doesn-t-give-a-fuck-about-your-insurrection>

ru.anarchistlibraries.net